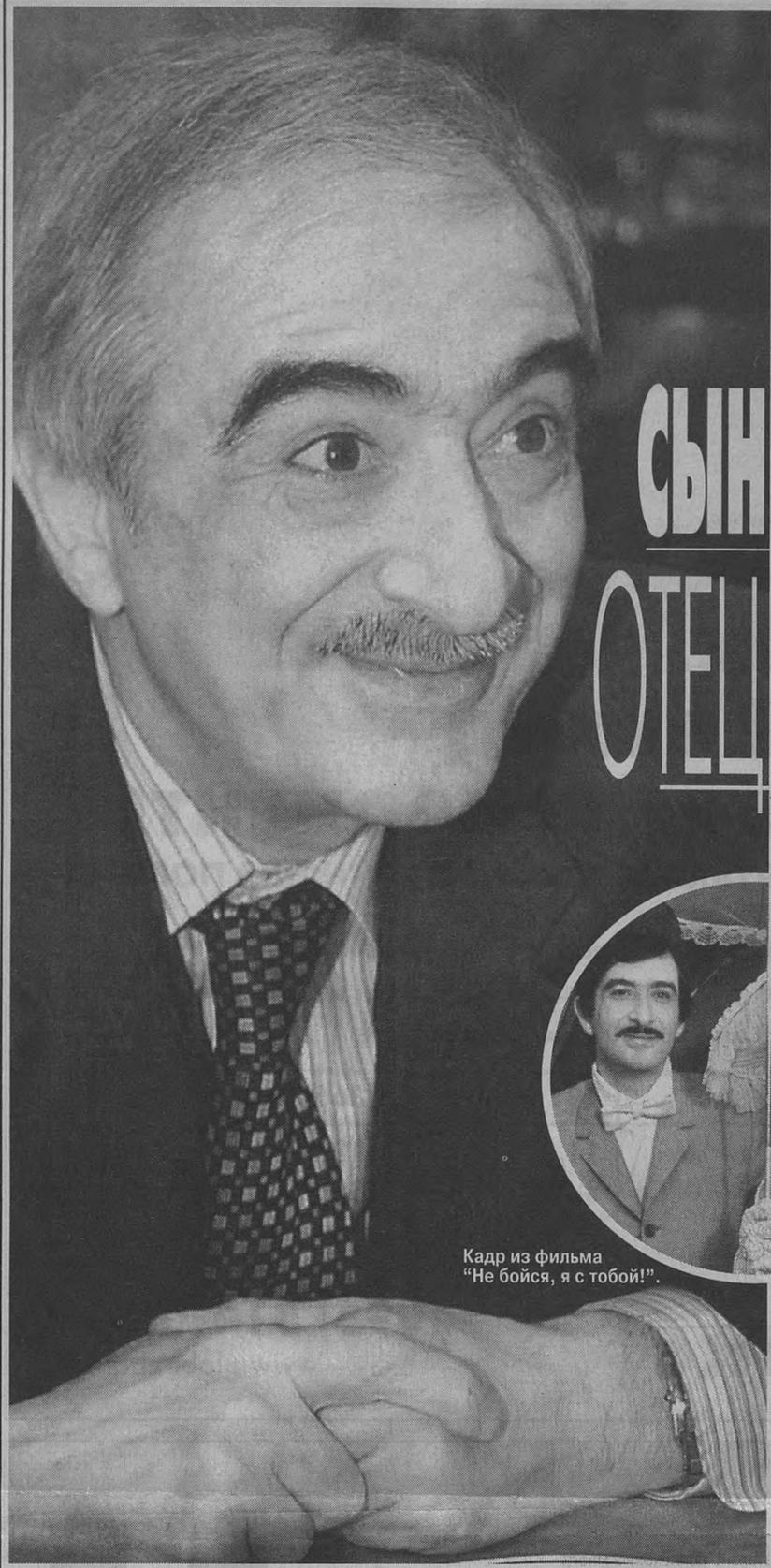

ПЕРСОНА

Кадр из фильма “Не бойся, я с тобой!”

СЫН СОЛОВЬЯ, ОТЕЦ СОЛОВЬЯ

“На заборе напиши: “Бюль-Бюль оглы” — аншлаги обеспечены”.

Героиня одного известного фильма задавалась вопросом: “Когда люди поют?” А потом сама же на него ответила: “Когда они счастливы”.

Теперь вопрос: когда поют министры? Отвечаем: раз в пять лет.

В 1988 году знаменитый композитор и певец Полад Бюль-Бюль оглы стал министром культуры Азербайджана и с тех пор вспомнил о своей профессии лишь трижды. 26 апреля он вновь будет сотрясать своим неповторимым “Но, может, ты забы-ы-ла мой номер телефо-о-она” стены Государственного Кремлевского дворца. А сейчас, сидя в кабинете своего земляка, первого замдиректора ИТАР-ТАСС Михаила Гусмана, печально смотрит через окно на плачущую весенним дождем Москву.

“С Муслимом девушек не делил”

— Полад Бюль-Бюлевич, сейчас вам, теплому растению, согретому ласковым закавказским солнцем, в Москве должно быть особенно уютно?

— Ну что делать! Когда из Баку вылетал, в Москве обещали солнышко, а попал под дождь. Но это не беда — согревает тепло друзей. Их у меня в Москве столько, что всех и не перечислишь. Видите, как Михаил Соломонович встречает? Мы же бакинцы, вместе росли, поэтому, по крайней мере в этом кабинете, чужим я себя абсолютно не ощущаю.

— Один из ваших друзей детства — Муслим Магомаев. Интересно, вы хулиганами были или пай-мальчиками?

— Нет, пайниками мы никогда не были: ни дома, ни в школе. Как и все мальчишки, дрались: двор на двор, стенка на стенку. А петь оба начали с того, что кричали по-тарзаньи. Тогда был очень популярен этот фильм. (Полад Бюль-Бюлевич набирает в рот воздуха и выдает почти один в один крик киношного Тарзана.) Вот с этих воплей и начали развиваться наши голосовые связки. Муслим на три года старше меня. Конечно, между нами возникали и споры, и споры. Но вот на мое 55-летие Муслим написал мне очень теплую записку, что вроде как ссорились-мирились, но уже такой возраст, что пора кончать. И я со сцены дал ему слово, что больше ссориться мы никогда не будем.

— Из-за чего вы могли поссориться?

— Да не-е-е, ерунда всякая, из-за мелочей. У него характер сложный, да и у меня, наверное, непростой, поэтому бывали какие-то размолвки. Но ничего серьезного — гадостей друг другу мы никогда не делали.

— А девушек в молодости не делили?

— У него были свои девушки, у меня — свои. Нет, ни финансовых, ни женских проблем у нас с Муслимом, слава богу, не было.

— Не было, — из глубины кабинета отзывается Михаил Гусман.

— Вот (Полад смеется) — подтверждает бакинец.

— Ваш отец в Азербайджане был легендарной личностью. Как вспоминают, любимчик Сталина, первый певец республики. Говорим о вашем детстве, а воображение рисует шикарный дом, персидские ковры, расписные халаты... Похожая картина?

— Ничего похожего. Отец был простым артистом. Да — любимым, да — уважаемым. После смерти Сталина, как говорят, в комнате вождя нашли патефон с пластинками. Так из 17 пластинок три были Бюль-Бюля. Отца постоянно вызывали в Москву на правительственные концерты, в 1938 году он получил звание народного артиста СССР, получив удостоверение то ли №14, то ли №16, то есть в Советском Союзе народных тогда было всего ничего. Но он прошел европейскую школу: четыре года жил в Милане, учился в Ла Скала. Поэтому дом был чисто артистический. Все иностранные делегации, которые приезжали в Баку: из Китая, из Ирана, из Румынии, — всех папа принимал у себя дома. А жили по нынешним временам очень скромно: обыкновенная 4-комнатная квартира в центре Баку.

Места для поцелуев

— К сожалению, не слышал вашего отца. У вас один тембр голоса?

— Нет, совершенно разные. Если бы у меня был папин голос, ой!.. Я достаточно критично отношусь к своему пению. Так скажем: композитор, поющий свои песни — не певец. Хотя мне не раз предлагали свои произведения маститые композиторы: и Аркадий Островский, и Марк Фрадкин. Но я всегда отшучивался, говорил, что не хочу их испортить.

— Однако большинство публикаций о вас начинается примерно так: “Его барха-

тистый голос сводил с ума всех девушек Советского Союза”. Подтверждаете?

— Это не я сказал. Но девушки влюблялись, да. Может, скажу несколько нескромно, но популярность была огромная. Например, в 72-м году в Ростове я давал по три концерта в день, и каждый раз 5-тысячный зал был заполнен до отказа. В Иркутске выступал в цирке, который был построен еще при царе, — так перед последним моим выступлением народ выломал дубовые двери. Здесь, в Москве, перед залом “Октябрь” оставил свою белую машину, а после концерта она была вся в губной помаде...

— Белая машина — “Мерседес”?

— Нет (улыбается), “Волга” — какие тогда “Мерседесы”? Конечно, успех был огромный, популярность колоссальная. Правда, здесь стоит оговориться. Незабвенный Расул Гамзатов мне как-то сказал: “Не забывай, что у твоего отца была слава, а у тебя — только популярность”. Но многим нынешним, которые себя называют звездами, и не снилась такая популярность, какая была у Муслима или у меня, извините за нескромность. Я ведь без афиш работал. На заборе напиши: “Полад Бюль-Бюль оглы” — и аншлаги были обеспечены.

— Вы влюбчивый человек?

— Было... По молодости все было: и гастроная жизнь, и влюбленные девушки. Но это все в прошлом, все ушло... Вы знаете, ввиду того, что я все-таки еще работаю и министром, на эту тему не будем говорить, ладно? Любое слово человека, который состоит на высокой государственной должности, могут потом интерпретировать и так и эдак.

— Извините, за разговорами забыл, что вы министр.

— Помните правильно, иногда нужно сдерживать себя — должность накладывает на тебя определенные обязательства. К тому же то, что сегодняшние артисты рассказывают, мы вообще никогда себе не позволяли.

— Очень жаль. О том, как вы ухаживали за своей женой — оперной примой Белой Руденко, до сих пор ходят красивые легенды.

— Ну да, посылал ей цветы в Японию, в Италию... Всюду, где бы она ни выступала. А в советское время попробуйте через таможенно что-нибудь послать... Все было. Но прошло.

— Чего еще не позволяет себе министр Бюль-Бюль оглы? К примеру, в костюме всегда ходите?

— Естественно. И в галстуке.

Полад Бюль-Бюль оглы: “А министерство культуры по наследству не передается!”

— “Удавка” не мешает?
— Нет, совершенно.
— Он в галстуке ходил и 30 лет назад, — снова раздается голос младшего Гусмана.
— Да, я всегда в галстуке ходил, — охотно соглашается с другом Полад. — Не люблю всякие курточки, кофточки...
— Ну да, солидный человек.
— А то!

Сцена для министра с портфелем

— Тогда вопрос к министру: чем сегодня живет Азербайджан?

— Ой, если я сейчас начну рассказывать, боюсь, пропущу обратный рейс.

— Ну а если вкратце?

Почему все-таки люди уезжают из страны? Не секрет же, что во многих российских городах сейчас многочисленные азербайджанские диаспоры.

— Ну что значит: уезжают из страны? Мы к России не относимся как к границе. Жили вместе много лет, по менталитету близки, у многих здесь родственники, друзья. Конечно, в России теперь больше возможностей для деятельности, для бизнеса, для заработка. Но многие же приезжают, что-то зарабатывают, а потом возвращаются обратно. Поэтому большой трагедии в этом я не вижу.

— Интересно, когда бываете в Москве, на рынке не заглядываете?

— Нет надобности. (Смеется.)

— Ему бы продал все в два раза дороже, — еще одна реплика Михаила Гусмана.

— Да не-е, честно говоря, в Москве я на базаре не бываю. Но я вам так скажу: в любом народе есть люди хорошие и плохие, умные и глупые, честные и мерзавцы. Да, мои соотечественники умеют хорошо торговать, поэтому в России и закрепился образ азербайджанца в кепке, который на рынке продает цветы. Но не

Трети Соловья-сына.

секрет же, что образ русского Ваньки-пьяницы с красным носом тоже присутствует...

— В Азербайджане?

— Не только в Азербайджане. И этот имидж надо тоже ломать. Нельзя сказать, что если русский, то обязательно или Чайковский, или Толстой, но и пьяницами всех огульно называть тоже неправильно. Так же и насчет нашей диаспоры. У нас есть и замечательные врачи, и замечательные педагоги, люди науки. Музыканты опять-таки очень видные.

— Например, вы. Путь из музыкантов в министры дался вам легко? У наших артистов-министров, знаете ли, как-то не сложилось — имею в виду и Николая Губенко, и Юрия Соломина, и даже вашего друга Михаила Швыдкого.

— Для меня это был сознательный выбор. К тому времени мне уже было за сорок, накопилась некоторая усталость от гастролей. А потом, у меня и юность была очень активная, три года был секретарем комсомольской организации, всегда находился в центре молодежного движения...

— “Как жили мы, борясь”?

— Да, очень похоже. То есть эта административная жилка, как тогда говорили, у меня присутствовала всегда. Поэтому очень легко вписался. Не скрою: я думал, что буду переживать, скучать по сцене, по зрителям. Но в общем как-то обошлось. У меня не было, знаете, этой ломки: а, теперь надо сидеть за столом, перебирать бумажки, — все произошло очень естественно.

— Сейчас, если не ошибаюсь, вы поете раз в пять лет. И почему-то только в Москве.

— Ну так получилось, что в 95-м году по инициативе Иосифа Кобзона ко мне в Баку приехала большая группа друзей — поздравлять с 50-летием. А в городе тогда еще было чрезвычайно положение, и я не собирался отмечать свой юбилей. Но раз друзья приехали, конечно, мы сделали большой концерт. А потом они сказали: если мы спели в Баку, давай устроим концерт и в Москве. Что оставалось делать? А в 2000 году директор концертного зала “Россия” мне позвонил и сказал: давай тебе заложим “звезду”. Ну, “звезда” мне импонировала, представляете: через сто лет какой-нибудь московский мальчик спросит: “А что это за странная фамилия Бюль-Бюль?” Объяснят, что был такой отец, а потом сын... Я и согласился. А сейчас — недавно мне исполнилось 60, год вроде юбилейный, тем более нынешний год объявлен Годом азербайджанской культуры в России — тоже дам в Москве концерт.

— А министру солидно выступать на сцене?

— Почему нет? Я же не превращаю это во вторую работу. Швыдкой вон ведет передачу — ну и замечательно. Если образованный человек, начитанный, если умеет...

— Кстати, у нас многие по этому поводу раздражались.

“Мы с Муслимом не были пай-мальчиками”.

— Да, знаю. А я считаю, что если человек что-то умеет делать (плюс к тому, что он был очень хорошим министром), ну и ради бога — пусть делает.

— Но в Азербайджане-то вы не поете?

— Да, не выхожу на сцену. Но думаю, если выйду, тоже ничего страшного не случится.

Птичья диаспоры

— И последнее: почему вы не любите, когда вспоминают вашу настоящую фамилию — Мамедов?

— Ну что значит: любит — не любит. Мамедов в Азербайджане — как в России Иванов. Папу прозвали Бюль-Бюлем (в переводе с азербайджанского “соловей”. — Авт.) за необыкновенной красоты голос. А когда в 1961 году папы не стало, я в паспорте изменил свою фамилию Мамедов на Бюль-Бюль оглы — то есть отчество стало моей фамилией. Но даже если бы не поменял, все равно бы говорили: “Какой Мамедов? Сын Бюль-Бюля”. Потом, вы знаете, на Востоке же никогда не было окончаний “-ов” и “-ев”. Это в советское время привили. Всегда были ибн, оглы или заде — так сказать, приставка к имени родителя. Древняя традиция, которая в советское время искоренялась. Но мы ее восстановили.

— Власти не возражали?

— Были сложности. Меня в райком комсомола вызывали, спрашивали: кто тебя недоумил? “Никто, — говорю. — Папино имя хочу носить”.

— Получается, вас зовут Сын Соловья. В фамилии вашего сына — также музыканта, насколько я знаю, тоже присутствует имя Бюль-Бюль. Значит, Внук Соловья?

— Да, соловей в третьем поколении. (Смеется.) Но его зовут Бюль-Бюль Теймур Полад оглы. То есть сын Полада.

— Внуков у вас нет?

— Нет пока.

— Если будет, назовете Бюль-Бюль Теймур оглы?

— Да, Бюль-Бюль у нас идет как фамилия. По наследству.

— А министерство культуры по наследству...

— Не передается!

Дмитрий МЕЛЬМАН.